

У Масами были красивые руки.

Судзуки наблюдал за ее руками, когда она заплетала волосы дочери. Дочь сидела очень тихо во время этой процедуры, не из-за какой-либо врожденной способности подавлять свою детскую натуру более чем на четверть секунды за раз, а из-за маленького пищущего электронного устройства в ее руках. Масами ненавидела эти вещи, игры и планшеты, и настаивала на том, что они вредят развитию детей. Судзуки не согласился. Они заставляли сына и дочь молчать, и это было намного лучше, чем любой вред, который несколько игрушек могли нанести развитию детей.

"Папа! Папа, смотри! Я нарисовал тебя! Папа!" - это был Сын. Он подпрыгивал вверх-вниз с листком бумаги, зажатым между двумя руками. Судзуки убрал его с дороги своими способностями. Не сильно, нет, достаточно мягко, чтобы мальчик едва мог это почувствовать.

"Папа! Давай же! Смотри!" - Снова сказал сын. Масами теперь смотрела на него и хмурилась, Ее руки прекратили свою работу. Ему не нравилось, когда она хмурилась. Это было неуместно на ее лице, прекрасном и еще не тронутом временем. Он не мог себе этого представить, чтобы время разрушило ее, точно так же, как он не мог представить себе время, когда сын не был бы чем-то вроде вредителя.

"Это прекрасно. Спасибо", - Сказал Судзуки, взглянув на то, что нарисовал мальчик. Его навыки моторики были не самыми лучшими, но он постепенно отходил от рисования людей-головастиков. Это было хорошо. Возможно, у Судзуки и не было материнских инстинктов Масами, но он провел свое исследование. Дети развивались просто отлично, на самом деле быстрее, чем следовало бы, несмотря на то, чего опасалась Масами из-за пагубного воздействия электронных игрушек и просмотра телевизора.

"Видишь, я нарисовал тебя красным, потому что старшая сестренка сказала, что ты такой. Видишь, папа? Ты видишь? Я использовал правильный красный цвет! Видишь, папа?" - Спросил Сын. Дело было не в том, что он не заботился о сыне, он мог быть чем-то вроде вредителя, но он все равно был сыном Судзуки, просто сын порой мог быть таким, очень раздражающим.

Действительно...

Не то что дочь. Дочь была, во всяком случае, ненавязчивой. Тихой. Задумчивой. Она глубоко задумывалась, прежде чем действовать. Сын же просто действовал. Возможно, это было связано с ее полом. Масами относилась к ней так же. Задумчивая. Тихая. Предусмотрительная. Хотя Судзуки никогда не мог припомнить, чтобы он был хоть сколько-нибудь близок к тому вредителю, которым был этот сын. Не то чтобы у него было много ясных воспоминаний об этом времени в его жизни. Будучи трехлетним ребенком, нет, будучи четырехлетним ребенком. Его раннее детство, должно быть, было очень безоблачным, так как он едва помнил его.

"Это очень мило, Шо", - сказал Судзуки. Масами снова улыбалась. Это было хорошо, ее улыбки, те, что освещали все ее лицо, были самыми лучшими, но это были ее самые редкие улыбки.

Маленькие, те, которые появлялись на её чудесном лице, пока она заплетала дочери волосы, тоже были замечательными.

"Что случилось, папа?" - спросила дочь. Да. Она могла видеть его ауру. Он немного пылал. Ему нужно было контролировать себя. Грандиозные демонстрации силы были просты, но держать себя в руках, поддерживать уровень своей ауры и следить за тем, чтобы его сила не увеличивалась, было намного сложнее. Так было всегда, сколько он себя помнил. Тем не менее, он должен был подавать хороший пример сыну и дочери. Казалось, дочь была в той же лодке, что и он, хотя сын выглядел чем-то вроде цветка позднего цветения.

"Шигеко, стой спокойно". - Сказала Масами. Теперь ее руки работали быстро, заплетая волосы дочери в последнюю косу. Она была завязана на конце розовой резинкой. Масами решила дать каждому из детей свой уникальный цвет. Девочка принадлежал розовый, а мальчику - голубой. У девушки должны были быть оба цвета, так как это были оба ее цвета. Он понятия не имел, какие цвета будут у мальчика. Он все еще был таким поздним цветком.

"Ничего, дочь". - Сказал Судзуки. Дочь, по-видимому, отказалась от игрушки, которую держала в руках. Ее прическа была закончена, и ее усадили на кровать. В доме было достаточно места, чтобы у детей были свои комнаты, но у них был какой-то иррациональный страх быть разлученными ночью. Страх темноты был обычным явлением, но его дети не были обычными. У них должно было быть достаточно здравого смысла, чтобы понять, что дом был одним и тем же, будь то при свете или в темноте. Никто никогда не причинит вреда его семье, убийцы или незнакомцы, скрывающиеся в темноте... Им нечего было бояться!

Его семье никогда не причинят вреда. Они принадлежали ему. Любой вред, который причинялся им, очевидно, рассматривался, как если бы кто-то причинял вред ему ... и никто никогда не был бы настолько глуп, чтобы попытаться причинить ему вред.

"Давайте, теперь, в постель, вы двое. Уже восемь тридцать". - Сказала Масами. Дочь ничего не сказала. Она использовала свои способности, чтобы расстегнуть свои покрывала, украшенные каким-то анимированным персонажем из одной из ее программ, а затем легла сама. На ее пижаме была та же тема. Ему было интересно, что такого было в этой программе, что привлекло ее внимание. Ему это казалось таким же, как и любая другая программа, которую девушка непрерывно крутила по телевизору или на своем планшете. Другие девушки в непрактичных платьях, использующие свои способности для того, что создатели сочли "хорошим", вместе с говорящим животным ... обычно кошкой. Девушке, похоже, нравились кошки. Сын и Дочь преследовали его из-за одного, они даже перетянули Масами на свою сторону, но Судзуки держался стойко.

Он не собирался заводить кошку или какое-либо другое бесполезное животное.

"Разве мы не можем засиживаться допоздна?" - Спросил Шо. Всегда вызывающий. Всегда раздражает. Масами слишком потакала ему. Дочь лежала в своей постели и ждала, какой будет следующая часть этого ночного ритуала. Судзуки знал, что, когда он был в их возрасте, существовал какой-то ритуал, чтобы заставить его заснуть. Его высоко несли на плечах отца, а мать пела ему колыбельную, хотя он ни за что на свете не мог вспомнить, что это было. Он

помнил, что у его матери был прекрасный голос, хотя ни за что на свете не смог бы вспомнить, что именно она пела.

У него было так мало воспоминаний о своих родителях.

"Нет, Шо, уже и так достаточно поздно. А теперь давай, иди спать." – Сказала Масами. Судзуки знал, что будет дальше. Мальчик будет умолять, умолять и ныть, и Масами сдастся, потому что таковы уж матери. Он помнил, что его собственная мать была гораздо более снисходительной, чем его отец, хотя ни один из родителей не мог долго командовать им. Масами, вероятно, уже чувствовала, что не имеет права командовать детьми. Вот почему она всегда была так снисходительна к ним.

"...хорошо..." - сказал Шо. Говоря это, он посмотрел в сторону Судзуки. У Судзуки не было такого мягкого сердца к детям, как у Масами. Масами очень любила своих детей, но в смутном и неточном смысле этого слова. Она любила их, что бы они ни делали и как бы себя ни вели. Судзуки любил их так, как родители должны любить своих детей. Он любил их, когда они подчинялись и когда оправдывали или превосходили ожидания. Просто. Легко. Точно. Дочь понимала этот факт. Она постоянно превосходила его ожидания. Всегда послушная, всегда сильная, хотя она также была очень бесстрастным ребенком.

Она позволила называть себя этим жалким маленьким прозвищем.

Судзуки задавался вопросом, так ли она относится к себе. Если таково было ее представление о себе, о своем месте в мире, то оно было очень неточным. Она не была главной героиней этого мира, но и не была одной из безликих масс. Она была его дочерью, он выбрал ее из всех других детей-эсперов в мире ... что ж, если бы были какие-нибудь другие дети-эсперы, которые тоже были сиротами, она была бы его первым выбором, и это казалось чем-то неосознанным ... большим ... чем то, кем был Шо. Шо был просто случайным актом генетики. Он не собирался создавать Шо, нет, Шо только что появился.

Он выбрал дочь.

В итоге у него появился ещё и сын.

Сын был ... просто сыном. Он знал, что у него должны были быть какие-то иррациональные чувства фаворитизма по отношению к сыну. Сын был мужчиной, и общество, в котором он родился, приучило его ценить детей мужского пола, потому что они продолжали семейную линию. Сын также был единственным из детей, кто разделял его гены. Дочь не могла быть его дочерью. Он никогда не был свободен в физической близости, во всяком случае, в свои взрослые годы, и он также никогда не изменял Масами. Это была сделка, которую заключили мужчина и женщина, вступая в отношения, чтобы гарантировать, что дети, рожденные от этого союза, будут нести оба их генетических кода.

У дочери не было ни его, ни ее генов.

Дочь была аномалией. По общему мнению, она не должна была существовать. Ребенок-экстрасенс с таким мастерством, да к тому же женщина, не должен был бы существовать. У Судзуки не было всех кусочков головоломки, но он собрал достаточно данных, чтобы знать, насколько сильно эсперы-мужчины превосходили эсперов-женщин. Дочь была редкой находкой. Ему повезло, что он нашел ее.

Он любил ее.

<http://tl.rulate.ru/book/72394/2038714>